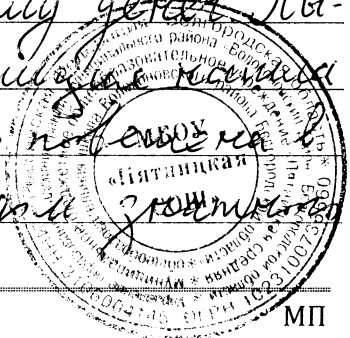

чалось и основное сытовое хамство, и все это подогревалось особенностями жизни людей той эпохи. И яхвали пытались бороться с нахальство сатиры, и характер "Двенадцати стульев" - это воттождённой в виде книги характер придурки-вого, остроумного сатирика; яркие шутки-сарказмы, внимание к каждой мелочи. Так выдающиеся черты времени появления книги вылились в важнейшие особенности её самой.

Повлияли на атмосферу романа и конкретные люди. В частности, один из прототипов Остапа Бендера - Осип Шор. Именно его похождения, вероятно, навели авторов на мысль, что подобный персонаж - герой своего времени, ничего необычного в нём нет. Он лишь умело использует хитрость, трусость, глупость других людей, применяя их в своих целях. Так делал упомянутый Осип Шор. Скажем, неизвестно как оказавшись в его руках живую, но по-тому - то совершенно лысую курицу он выдавал за чудо отечественной селекции. Дельные нап-ланки уже предвкусивали успех прокуры "курицы, которую не надо выклевывать". Пока выяснилось, что лысая курица существует в единственном экземпляре и стабилизированную прибыль с неё получить крайне затруднительно, наш ге-рой уже сделал на этом шифе уйму денег. Пы-тались его поймать и наказать, но вышло только курицу. Она была по-прежнему в том же номере, куда Шор въехал под видом зрелища.

ученого, и на ней висела табличка: Оuessкие селекционеры уже работают над породой курицы без головы и костей. Известные нам по роману истории с мажматным клубом и "художественной деятельностью" на пароходе также реальны и автор этих шедевров - наш знаменитый Осип Мор. Этот "Великий комбинатор" прожил до 1978 года, и приведенное мною похвальное лишь часть его сурной биографии. Роман пережил его жизненность и азарт, тем понравился большинству читателей. Другие образы Воробьянинова, Воронки Алюхена, мидии Трицащевы и прочих героев тоже частью списаны с реальности, причём, крайне удачно. Не секрет, что некоторые эпизоды "Двенадцати стульев" до сих пор находят отражение в реальности. Темной Бегуновский брак по расчёту, скажем, в наше время не редкость. К сожалению, Никуда не делась предприимчивые буржуинки вроде трагички Трицащевой и не менее предприимчивые Остапы Бендеры, бросающие друг друга, едва перестав поиграть от любовника к любовцу. А ещё забываются после расставания не столько о человеке, сколько о зловонном тайном сметке. Ни вдова, ни великий комбинатор не ищут друг в друге ничего, кроме выгоды. Сейчас это тоже актуально, и сатира. Ниша и Петрова оказывается очень к месту. А же возвращу уж о воспоминании великой гелевесской личности. Отец Редор, Иполит Воробьянинов

Алюшек и его родне... Или глупость и недалё-

ковидность невольных жертв коварного Венгера...
Это и определило судьбу произведения. Даже
запрет его в печати был снят в 1956 году -
учитывая, что некоторые книги, негодные вла-
стям, увидели свет лишь после распада СССР,
это можно считать капитуляцией режима
перед гением двух сатириков. Переиздавалась
книга неоднократно, чаще всего в паре с «Зо-
лотыми телёнком», и всегда имела успех, при
Советах была, как правило, в дефиците. При этом,
как показала практика, не все читатели по-
нимали её достаточно глубоко. В ней посто-
видели исключительно комедию, но никак не
многогранной, симфоничной эпохальной
труд. Так и человека не всегда понимают ок-
ружающие.

И всё-таки в конце концов гении признают,
а книги, считавшиеся макулатурой или лёг-
ким чтением, оказываются при вниматель-
ном рассмотрении портретом эпохи. Таков
и наш роман-юбилей, «Двадцать ступеней».

Разве от некоей земности, нем бриллианты
на сумму сто пятьдесят тысяч рублей миль-
нонь копеек, зашитые в галбсовское паукрес-
ло, или ключ от квартиры, где дёmons летает?

Шутите!

